

ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ОСЕТИН В ЯЗЫКЕ И ЕГО КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЕ

Е. Б. БЕСОЛОВА

Как известно, язык фольклора функционирует только в определенных стереотипных ситуациях, и именно фольклор в сравнении с другими источниками дает нам возможность глубоко проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений, что связано с вскрытием внутреннего смысла, глубинной семантикой слов, соотношенных с предметом, пове­рем, обрядом.

Обнаружение глубинного значения слова, термина, концепта предполагает определенное мастерство в использовании фразеологии, пословиц и поговорок и других жанров фольклора для решения проблем отражения культуры народа в его языке, в частности – лексике. Здесь уместны, на наш взгляд, слова Б. Уорфа относительно того, что каждый язык не только по-своему неповторимым образом воссоздает природу и социальную действительность, но и закрепляет это неповторимое мировоззрение [1, 57]. Формой выражения концептуальной модели мира, представляющей уровень народного знания о внешнем мире, выступает языковая модель, воспроизведение и моделирование которой во всех звеньях лексической системы может помочь в реконструкции эволюции народного мышления. И здесь нельзя не согласиться с тем утверждением, что именно лексика более полно представляет характер мышления носителей языка, иерархию и структуру народного знания о тех или иных объектах.

Сведения о реалиях, их значении в жизни народа и форме выражения позволяют глубже проникнуть в логику самого знания, а их источниками выступают диалектные тексты и словари, содержащие слова,

обозначающие понятия материальной и духовной культуры народа с их вариантами, а также терминологические словари и специальные исследования по отдельным лексико-семантическим группам слов.

История осетинской лексикографии, как известно, начинается с XIX века и длится до сих пор, и в совокупности весь зафиксированный в словарях материал дает достаточно полное представление о лексическом богатстве осетинского языка.

Наравне с осетинской лексикографией развивается и осетинская лексикология. Наиболее значимы фундаментальные труды В. И. Абаева, которые явились прочной базой для последующих изысков лингвистов. Обзор статей осетинских языковедов, как по лексикографии, так и по лексикологии, содержится в работах Л. Б. Гацаловой и Л. К. Парсиевой [2, 2013; 3, 2013].

Этнографическая лексика осетинского языка представляет собой богатый и структурно организованный слой лексики, являющийся неотъемлемой частью осетинской общеупотребительной лексики, что дает возможность квалифицировать его и как терминологический, и как профессиональный. Заметим, что в исследовании отраслевой лексикологии значительно преуспели ученые Южной Осетии, и эти труды могли бы лечь, на наш взгляд, в основу «Сводного словаря отраслевой лексики осетинского языка».

В своих истоках этот пласт этнографической лексики восходит к древнейшему слою осетинского языка. Он отражает соответствующие исторические этапы в жизни осетинского народа, его материальную и духовную культуру, контакты с другими

народами, мировосприятие и мироощущения осетин. Этнолингвистический анализ выявил, что осетинский язык в разных формах существования и на разных этапах его истории влиял и продолжает влиять на историю осетин, что его категории и факты – лишь своеобразный способ постижения и проникновения в собственно-этнические процессы.

Прослеживание динамики развития словарного состава языка, фиксация исчезающих лексических единиц и их сохранение для последующих поколений важны как реальное отражение исторического наследия носителей языка. Здесь безусловный интерес представляют проблемы лексической семантики.

С позиций употребления слов, входящих в словарный состав осетинского языка, выделяется макролексика, в которой отражается и материальная, и духовная культура осетин.

По основным способам и принципам номинации лексико-семантические группы этнографической лексики осетинского языка распределяются на десять групп: 1. Номинация по материалу; 2. Номинации, связанные с формой, размером, способом строения, приготовления, обработкой реальных; 3. Номинация по морфологии места; 4. Номинация по функции; 5. Номинация по цветовым признакам (характерна для единичных групп); 6. Номинация, выражающая числовые и временные значения; 7. Номинация по свойству, качеству реальных; 8. Номинации, один из компонентов которых – название возраста или пола, родства человека; 9. Номинация по сходству действий, реальных; 10. Номинация, указывающая на результат действия по внешнему признаку.

В каждом из этих типов, естественно, могут быть выделены подтипы, виды, группы, подгруппы и т.д. номинаций. Вместе с тем, они могут быть подразделены в зависимости еще от дополнительных факторов. Этнографизмы, входящие в группу, могут получить наименования и по составу, и по способу приготовления, и по основным свойствам, приобретаемым в ходе приго-

товления и т.д. Очень часто наблюдается совпадение мотивирующего признака в разных и даже генетически далёких друг от друга языках. Этот факт объясняют сходством длительной общественной практики, позволяющим людям выделить из массы признаков один и тот же и положить его в основу номинации.

В функционально-семантическом плане среди этнографизмов выделяются архаизмы, историзмы и неологизмы. Не обошли осетинский язык и различные нумеративы, обозначающие меру веса: *джиранка* «фунт», *март* «мера сыпучих веществ, равна приблизительно четверти пуда», *пут* «пуд» (ср. совр.: грамм, килограмм, центнер и др.); а также устаревшие меры длины *адыли* «аршин», *аьлмæрин* «мера длины от локтя до пальца», *дисны* «единица измерения длины, равная расстоянию от большого пальца до мизинца растянутой кисти руки», *уылынг* «расстояние между концами вытянутого большого и указательного пальцев», и др. (ср. совр.: сантиметр, дециметр, метр и др.). Ср. соответствия из карачаево-балкарского языка: нумеративы, обозначающие меру веса: *гёренке* «единица меры веса около фунта»; *батман* «старая мера веса для сыпучих веществ», *пуд* и т.д.; старинные меры длины: *къары* «локоть»; *къарыш* «расстояние между концами вытянутого большого пальца и мизинца руки» [4, 12].

Приведенное свидетельствует о том, что в связи с развитием языка и общества появляются новые системы измерения, вытесняющие старые. Данное положение лишний довод в пользу следующего тезиса: чтобы понять лингвистическую суть каждого явления, каждого предмета, каждого слова родного языка, необходимо знать, как сложилось данное явление, какие этапы в своем развитии оно проходило, что же обусловило его современную форму и содержание.

В составе осетинской этнографической лексики выявляются как диалектизмы, так и регионализмы. Конечно же, архаизмы и историзмы стоят вне нормы современного языка, причем разъяснение историзмов носит толково-энциклопедический характер:

значение слова и есть объяснение самой реалии, обозначаемой этим словом; архаизмы же предусматривают лингвистическое толкование, состоящее из дефиниции слова и установления его современного синонима.

К примеру, В.И. Абаев пишет, что «обращаясь к *птичьему* царству, мы без труда выделяем здесь группу наименований, относящихся к древнейшему слою языка. Таково, во-первых, общее название пернатых *маргъ*, ср. др.-иран. *margha*, др.-инд. **mṛga-*, перс. *mirg* «птица». Отсюда *булаемаргъ* / *бормаелгъ* «соловей», букв. «желтая птица»; диг. *саумалгъæ* «скворец», букв. «черная птица»; диг. *дзумаргъ* «горная индейка», «улар», букв. «зимняя птица» [5, 50].

К этому же пласту относит учёный и названия *орла, ворона, вороны, журавля, дикой утки, перепелки, голубя, ласточки*:

осет. *цæргæс* «орел» < *kark-as, čark-as*, букв. «куроед»; ср. согд. *čarkas* «орел»;

осет. *сыннт* / *сунт* «ворон» = памир. *šōnd* «ворон»;

осет. *халон* «ворона» (ср. в иран. языках Припамирья *xurn* «ворона»);

осет. *зырнаг* «журавль», возводится к древнеиранскому **zurana-ka*, другое название для журавля *хърихъуип* / *хъурродж* звукоподражательного характера;

осет. *аиц* «дикая утка» безусловно отвечает древнеиндийскому *āti* «водяная птица»; то же слово с назализованным *а* дало общеиндоевропейское название утки; ср. русск. утка < *anti-ka*;

осет. *уæриц* / *уæрицæ* «перепелка», «перепел» = др.-инд. *vartikā*;

осет. *æхсинæг* «голубь дикий», ср. др.-иран. *axšaina* «синий»;

осет. *зæрватыкк* «ласточка», вероятно, < *зæр-фадыг* «желтоногая».

Названия некоторых птиц проникли из тюркских языков:

Хъæрицыгъа < тюрк. *qasğā* «ястреб»;

дзæгъындзæг < балк. *čagənzik* «сорока»;

дудахъхъ < турец. *tutaq* «дрофа», «ду-дак»;

Маехъхъыл «стрепет» сопоставляется с чеченским *таqqal* «стрепет»; этим же именем в форме *маехъхъæл* осетины называют ингушей, что является, несомненно,

отзвуком тотемистических представлений [5, 51]. В дигорском диалекте осетинского языка концепт *стрепет* звучит как *сун-сунæг* [6, 470].

Концепт «птица» в осетинском языке дифференцируется: по отношению к домашней птице принято говорить *цъиу* (-*тæ*), а дикую называют *хъæддаг* (< лесной) *маргъ* (*мæргътæ*). В «Русско-осетинском словаре» В.И. Абаева [7, 430] дано гнездо: *пташка* разг. *цъиу*, *птенец* *цъиу*, *лаппын* (*маргъ*), *птица* *маргъ*; *певчие птицы* *зараг мæргътæ*, *птицеводство* *маргъдарынад*, *маргъдарын*; *птичий прилаг.* *маргъы-*; *птичка* *цъиу*; *птичник* «помещение для домашней птицы» – *кæркдон*.

Основное ядро названий птиц осетинского языка относится к раннему и устойчивому пласту лексического состава осетинского языка.

Маргъ «птица» (в сложных словах также *мæргъ*, *мæлгъ*: *булаемаргъ*, «соловей», диг. *саумалгъæ* «скворец» и др.) < иран. **mṛga-* «птица».

Лексема *цъиу* / *цъеу* – звукоподражательное слово (ср. *цъиу-цъиу* «щебетанье»), повторяющееся, с небольшими вариациями, во множестве языков. *Стая птиц* – бал, æрдонг, дзуг; *лебединая стая* – доныхъазты дзуг.

Аист. Цапля: ирон. *къадз*, урс *кæсаглас*, диг. (*уорс*) *кæсалглас*.

Абаев допускает заимствование *къадз* < груз. *qanča* «цапля». Образование сложного слова *кæсаглас* < *кæсаг* «рыба» + *ласын* «тащить».

Альбатрос: ирон. *альбатрос*, *денджызон маргъы мыггаг* диг. *денгизи маргъы мугга*, букв. перевод: *вид морской птицы*.

Баклан: ирон. *баклан*, *кæсагхор сыннт*, *денджызы сыннт*;

Букв. перевод: *кæсагхор сыннт* < *кæсаг* «рыба» + *хор* (<*хæрын* «есть») + *сыннт* «ворон»; *денджызы сыннт* < *денджыз* «море» + *сыннт* «ворон», т. е. морской ворон.

Бекас. Дупель: ирон. *мæга*, синон. *хъæддзых* (?); диг. *состæ мæга* «коростель» (?).

В словаре Ф.М. Таказова *состæмæга* «коростель» – написание слитное [6, 467]. Один из примеров осетино-балкарских

схождений: балк. *təga, tga* «перепел» – осет. *mæga* «бекас». По мнению Абаева, «следует связать с перс. *tāğ* 1. «порода голубя», 2. «порода черных уток», баклан» [8, 81].

Буревестник: ирон. *уадфидиуаг* (*маргъ*); диг. *денгизи уарий*.

Данное название морской птицы *уадфидиуаг* (*маргъ*) образовано < космического явления *уад* «буря», «ветер» + *фидиуаг* / *федеуаг* «глашатай», «вестник». Полностью соответствует семантике русского слова *буре-вестник*. Оба компонента иранского происхождения.

Беркут: ирон. *беркут, дурдзæргæс* (егъау цæргæсы мыггаг); диг. *дор-дзæргæс*.

Образовано путём сложения слов *дор* / *дор* «камень» (старое отложение из кавказских языков) + *цæргæс* «орел» (слова иранского происхождения).

Бородач: ирон. *саубоцъо цæргæс*; диг. *саубецъо цæргæс*.

Сложное образование из определения с определяемым словом – *чернобородый орел*. Оба слова иранского происхождения.

Вальдшнеп: ирон. *хъæды мæга*, диг. *гъæдимæга*.

Сложение *хъæды мæга* возводится к др.-иран. **gadā* + *mæga* «бекас». Описательное образование.

Воробей: ирон. *сырддонцъиу*, диг. *æхсæрацъеу*.

Это название птицы осетины применяют то к жаворонку, то к воробью.

Букв. *сæрддон* «летняя» + *цъиу* «птица», т.е. летняя птица.

Фалтæрд адаймаг – стреляный воробей.

Ворон: ирон. *сынт*, диг. *сунт*.

Иранского происхождения. Имеет надежные соответствия в восточно-иранских языках.

Ворона: ирон., диг. *халон*.

Абаев пишет, что «в названиях ворона и вороны в ряде языков, генетически или ареально связанных или несвязанных с осетинским, существуют трехсогласные основы, <...> а двухсогласный тип в каб., убых.

Звуковая близость в столь различных и территориально удаленных друг от друга языках объясняется, прежде всего, участи-

ем звукоподражательного и экспрессивного моментов» [9, 138], что свидетельствует о том, что в отдельных случаях имели место контакты между этими языками в прошлом.

Халон-хъæргæнаг – ворона – траурный вестник; ФЕ

Халон халоны цæст нæ къахы – ворона вороне глаз не выключет. ФЕ

Грач. Галка: ирон. *саухалон, цъиах*; диг. *цъах*.

Относится к звукоподражательным словам; ср. *цъах-цъах* «крики», «гвалт». Считается, что, по всей видимости, подобного происхождения и перс. *zāğ*, «ворона», лезг. *çāğ* «грач», «галка». Сложное образование *саухалон* < *сау* «черный цвет» + *халон* «ворона», букв. «черная ворона».

Глухарь: ирон. *къуырмагарк*; диг. *къургарк*.

Образовано сложением слов *къуырма* «глухой», идущего из кавказского субстрата (< сван. *qirmanž* «глухонемой») + общиндоевропейское слово звукоподражательного характера *карк* «курица». Для дигорской формы *къуру* Абаев находит изоглоссу в груз. *qru* «глухой», причем на кавказской почве он выделяет чеч. *q̄oru*, инг. *q̄ora*, лезг. *q̄irü* [10, 653].

Голубь (дикий): ирон. *æхсинаг*; диг. *æхсинæнга*.

Название дикого сизого голубя *æхсинаг* / *æхсинæнга* < обозначения цвета *æхсин* «темно-серый», «восходящего к др.-иран. *axšaina*, старого иранского обозначения темно-серого или темно-синего цвета, частью вытесненное, частью существующее рядом с субстратным *цъах*» [10, 220-221].

Производное от него название дикого голубя *æхсинаг* / *æхсинæнга* употребительно по всей Осетии.

Горихвостка: ирон. *буркъæдзил цъиу*; диг. *боркъæдзела цъеу*.

Сложное образование < *бур* / *бор* «желтый» + *къæдзил* / *къæдзела* «хвост» + (*цъиу* / *цъеу* «птица»), букв. «желтохвостая птица».

Дрозд: ирон. *намыгхор*; диг. *намугхуар*.

Сложное образование, *намыгхор* / *намугхуар* < *намыг* / *намуг* «зерно», «ягода» + *хор* / *хуар* (< *хæрын* «есть»), букв. «зерноядный».

Дрофа, дудак: ирон. *дудахъхъ*, диг. *дудахъ*.

Заимствование из тюркского языка – *tudaq*; а также: кабард. *dudaq*, вейнах. *totaq*, *todaq*.

Дятел: ирон. *хъæдхой*, син. *хъæджъуыр*; диг. *гъæджъуар*.

Сложное слово *хъæдхой* < *хъæд* «деревцо» + *хойын* «стучать». Имеет синоним *хъæджъуыр* < *хъæд* «деревцо» + *къуырын* «ударять, стучать».

Жаворонок: ирон. *хæрдмæдзог цъиу*; диг. *гопнойцъеу*, *нигъули*.

Сложное образование, *хæрдмæдзог цъиу* < *хæрдмæ* «вверх» + *дзог* (< *цауын* «идти»), букв. «восходящая птица».

Термин *гопнойцъеу* < *гопной* «хохолок» + *цъеу* «птица», букв. «птица с хохолком».

Журавль: ирон. *зырнаг*, *хърихъуип*; диг. *хъуррой*.

Осетинское название журавля *зырнаг* < *зæр-пуг* возводится В. И. Абаевым к древнеиранскому **zirana-ka*; другое название для журавля – *хърихъуип* / *хъурродж* – звукоподражательного характера.

Хърихъуипыты бал – журавлиная стая; *хърихъуипы цыд* – журавлиная походка.

Иволга: ирон. *бурицъиу*; диг. *борицъеу*.

Сложное образование, *бурицъиу* / *борицъеу* < *бур* / *бор* «желтый» + *цъиу* / *цъеу* «птица», букв. «желтая птица».

Индейка горная, улар: ирон. *зым*, диг. *зум*, *зумаргъ*, *дзумаргъ*.

Сложное образование < *зум* «зима» + *маргъ* «птица», букв. «зимняя птица». В иронском диалекте осетинского языка произошла утрата второго компонента в связи с тем, что улары зимой не улетают [9, 320]. Балкарское и карачаевское название горной индейки *зимтагид* – из осетинского языка.

Козодой: ирон. *сæгъдуц*, диг. *сæгъдоц*.

Сложное образование < *сæгъ* «коза» + *дуцын* «доить». Оба компонента иранского происхождения.

Кречет. Сокол: *лацин* (в основном в дигорском диалекте).

Заимствование < тюрк. *laçin* «сокол». Встречается во многих кавказских языках: авар. *laçin*, дарг. *laçin*, лак. *laçin*, чеч. *laçin* и др.

Кряква: ирон. *хъæддаг бабыз*; диг. *гъæддаг бабуз*.

Производное < *хъæддаг* при помощи суффикса *-аг* и закономерным удвоением *-д-* + *бабыз* «утка» (заимствование < севернотюркского языка: ног., балк., карач. *babuŝ*). Для дикой утки в осетинском языке сохранилось старое иранское название *аци*.

Коршун: ирон. *цъиусур*; диг. *цъеусор*.

Сложное образование < *цъиу* «птица» + *сурин* «преследовать»; развитие семантики: «гнать» → «охотиться»; восходит к древнеиранской базе **saura-*: **sur-*, букв. «преследующий птицу».

Коршун-стервятник: ирон. *хæдмæлхор*; диг. *хой*.

Термин образован из слов: *хæд-* (означает, что действие, выражаемое второй частью, совершается самопроизвольно) + *мæлын* «умирать» = *хæдмæл* «пададь», «дохлятина» + *хор* < *хæрын* «есть», букв. «едящий пададь», «питающийся дохлятиной».

Кукушка: ирон. *гакк-гукк*; диг. *гæггог*.

Звукоподражательное слово, как в индоевропейских, угро-финских, тюркских, кавказских и других языках; напр., *сван*. *gägo*, груз. *giguli*, авар. *gigo*, *gigi*, каб. *k'ægigw* и пр.

Кулик: ирон. *доны аци*; диг. *дониуæрциæ*.

Термин состоит из определения с определяемым словом – *доны аци* «водяной аци». Оба слова иранского происхождения.

Удвоение *-ци* в термине *аци* объясним тенденцией осетинского языка к удвоению конечных согласных или отражать древнюю форму **ātika*, как *уæрици* «перепёлка» из *vartikā* <...> переход *t* в *c* (*z*) перед *i* – закономерен.

Форма *доны ари* – неправильна: является итогом народноэтимологического осмысления забытого *аци* [10, 27].

Куропатка: ирон. *хуыргарк*; диг. *хургарк*.

Сложное образование из двух слов: *хуыр* «песок» + *карк* «курица», букв. «песчаная курица». Термин состоит из определения с определяемым словом.

Ласточка: ирон. *зæрватъкк*; диг. *зæрбатуг*, *зæрбатуккæ*.

Осет. **зæрватыкк** «ласточка», вероятно, < *zær-fatyg < *zara-rāvuka-. Первая часть *zar-* сближается с названием куропатки в ряде иранских языков и имеет, по В.И. Абаеву, звукоподражательную природу со значением «издавать звуки», «щебетать» и др. Вторая часть *fatyg* < *pat-, rāv- «летать», означает «летающая», «птица». Отсюда *zær-fatyg* букв. «щебетунья птичка» [9, 305].

Фыццаг зæрватык – первая ласточка. ФЕ

Лебедь: ирон. *доны хъаз*; диг. *донихъаз*.

Осетинское название лебедя образовано из двух слов: *дон* «вода» + *хъаз* «гусь» (тюркского происхождения, вошло во многие языки Кавказа, заимствование было отмечено уже в аланском языке). Термин состоит из определения с определяемым словом – *доны хъаз*, букв. «водяной гусь».

Урс доны хъаз – белый лебедь. ФЕ

Хъазхъуыр – с лебединой шеей. ФЕ

Малиновка: ирон. *чъырттым*; диг. *чъирттун*.

Термин *чъырттым* / *чъирттун* означает: «пестрая» птица; «желтая и певучая» птичка. Возможно, заимствование из тюркского *qar* «чириканье». В.И. Абаев пишет, что «наращение тым / тун (<дым / дун «хвост») могло произойти на осетинской почве под влиянием *bürdym* «желтохвост» [10, 653].

Орел: ирон., диг. *цæргæс*.

Иранское слово, относится к древнейшему слою осетинского языка. Исходная форма **karkāsa-* с буквальным значением «куроед». Хищная птица.

Мадæл цæргæс – ирон. орлица (составной термин).

Мадтæл цæргæс – диг. орлица (составной термин).

Павлин: ирон. *мæлхъ*; диг. *малхъ*.

По Абаеву, *мæлхъ* / *малхъ*, скорее всего, вариация иранского слова *мæлгъ*, *маргъ* «птица».

Перепелка, перепел: ирон. *уæрци*; диг. *уæрциæ*.

Иранское слово из древнейшего слоя осетинской лексики. Восходит к **wartī* (*kā-*). Интересно дополнение: «В шутовском названии *уæрци-былдыхъхъ* имеем во вто-

рой части не звукоподражание <...>, а тюркизм; ср. татар. *bətbəldək* «перепел» [9, 91].

Попугай: ирон. *тути*; диг. *тотий*.

Из персидского языка, где *tūti* «попугай».

Рябчик: ирон. *дзыгъуыргарк*; диг. *дзугъургарк*.

Сложное образование из двух слов: *дзыгъуыр* / *дзугъур* «пестрый, конопатый» + *карк* «курица», букв. «пестрая курица». Термин состоит из определения с определяемым словом.

Синица: ирон. *дзывылдар*, *дзыбылдар*; диг. *дзубулдар* (Ф.М. Таказов дает иной перевод: «трясогузка» [6, 261]).

Образование сложное <*дзывыр*, *дзыбыр* «соха» + *дар* «правящая», букв. «правящая сохой», «пахарка». Оба компонента относятся к старому скифскому наследию.

Снегирь: ирон. *митмитгæнаг*; диг. *метметгæнагæ*, *метметцъеу*.

Термин образован посредством словосложения; к слову *митмит*, полученному в результате повторения имени существительного *мит* «снег» + *гæнаг* < *кæнын* с помощью суффикса *-аг*, букв. «снег-снег говорящий».

Сворец: ирон. *сауцъиу*; диг. *саумæлгъæ*.

Термин образован сочетанием имени прилагательного *сау* в значении определения с именем существительным *цъиу* / *мæлгъæ*, букв. «черная птица» (*мæлгъæ*=*маргъ*).

Сойка: ирон. *хиуа*; диг. *хъеуа*.

По В.И. Абаеву, это возможное заимствование < груз. *čxik'vi* «сойка». Направление развития: *čxik'va* → **xixwa* → *xīwa* [9, 205].

Сова, филин: ирон. *уыг*; диг. *уг*.

В ИЭСОЯ [9] на с. 113 *уыг* *уг* переводится и как «сова», и как «сыч». Слово-существительное звукоподражательного характера.

Сокол: ирон. *уари*; диг. *уарий*.

Хотя это заимствование неотделимо от грузинского *bari* «сокол», происхождение его иранское. Грузинская форма с начальным *b-*, по Абаеву, отражает персидскую форму. Осетинскую форму ученый предлагает возвести к **wārigan*. Когда значение композита перестало осознаваться, конечное *-gan* отпа-

ло и осталось *wari*. <...> Переходная форма **warig* отложилась в осетинском фамильном имени *Warig-a-tæ* «Соколовы», отмеченном в районе аула Коби» [9, 50].

Соловей: ирон. *буламаæргъ*; диг. *борамаелгъæ*.

Термин образован сочетанием имени прилагательного *бур* (*æ*) / *бор* (*æ*) «желтый» в значении определения с именем существительным *маргъ* / *маелгъæ* «птица», букв. «желтая птица» (*маелгъæ=маргъ*).

Сорока: ирон. *дзæгъындзæг*; диг. *дзæгъ-индзæг*, *гæркъæрагæ*.

Слово-существительное звукоподражательного характера (*дзæг-дзæг*).

Сыч: ирон. *сидахъхъ*; диг. *седагъ*.

Заемствование из тюркских языков.

Тетерев (самец): ирон. *саугарк*; диг. *саугарк*, *къудургарк*.

Тетерка (самка тетерева): ирон. *бургарк*, диг. *боргарк*.

Термин *саугарк* образован сочетанием имени прилагательного *сау* «чёрный» в значении определения с именем существительным *карк* «курица», букв. «черная курица». Наименование вызвано оперением самцов: «оно в общем – черное, голова, шея и нижняя часть спины – синяя, на крыльях белая перевязь, нижнее оперение хвоста – чисто белого цвета» [11, 179].

Термин *бургарк* / *боргарк* образован сочетанием имени прилагательного *бур* (*æ*) / *бор* (*æ*) «желтый» в значении определения с именем существительным *карк* «курица», букв. «желтая курица».

Удод: ирон. *дыгонпон*; диг. *гонпойцъеу*.

В первой части сложного слова *дыгонпон* *ды-* означает «два-, дву-»; *гонп* – «холок, хохол (у птиц)», а *-он* – суффикс, что дает букв. значение: «птица с двумя хохолками», «птичка с двумя головками» или же «хохлатка, хохлатая».

Утка дикая, кряква: ирон. *ацц*, *хъæддаг* *бабыз*; диг. *аццæ*, *гъæддаг* *бабуз*.

Производное < *хъæддаг* при помощи суффикса *-аг* и закономерным удвоением *-д-* + *бабыз* «утка» (заемствование < севернотюркского языка: ног., балк., карач. *babuŝ*). Для дикой утки в осетинском языке сохранилось старое иранское название

ацц. Удвоение *-цц* в термине *ацц* объясним тенденцией осетинского языка к удвоению конечных согласных или отражать древнюю форму **ātika*, как *уæрцц* «перепёлка» из *vartikā* <...> переход *t* в *c* (*z*) перед *i* – закономерен.

Ушан: ирон. *хъусой*; диг. *гъосой*.

Термин *хъусой* образован от глагольной основы *хъусын* «слышать», *восходящей* к *общеиранской основе* **gauš*, при помощи суффикса *-ой*, означает *обладание определённым качеством, свойством или признаком*: *хъусын* «слышать» → *хъус* «ухо» + суффикс *-ой* → *хъусой* «ушастый», «ушан» из-за того, что перья на задней части их головы удлинены, приподнимаются над остальными и образуют так называемые уши.

Фазан: ирон. *саугарк*, *сындыуасæг*; диг. *синдзиуасæнгæ*.

Концепт *сындыуасæг* / *синдзиуасæнгæ* – сложное слово, включает в себя слова: в первой части *сынды* «терновник», «колючка» + *уасæг* «петух», букв. «петух терновника», или же «невун терновника», «колючки петух» или «невун колючек». Известно, что фазаны избегают густых и высокоствольных лесов, предпочитают им колючие кустарники, сознавая свою слабость и беспомощность против сильных животных.

В «Осетинско-русском словаре» [12, 365] дается также определение *саугарк*, который образован сочетанием имени прилагательного *сау* «чёрный» в значении определения с именем существительным *карк* «курица», букв. «черная курица».

Филин: ирон. *ололи*; диг. *тоймон*.

Термин *ололи* заимствован из грузинского языка.

Приведенные наименования для *филина* мы взяли из «Большого русско-осетинского словаря» Л. Б. Гацаловой и Л. К. Парсиевой [13, 637].

В «Осетинско-русском словаре» [12, 365] для *филина* и *совы* дано общее название *уыг*. Это же название для *филина* мы нашли в «Русско-осетинском словаре» В. И. Абаева [7, 553]. По поверьям осетин, крик совы – предвестник смерти.

Цесарка: ирон. *цицыр*; диг. *цецур*.

Заимствование из груз. *cicari* «цесарка». Но восходит к лат. *caesar* «цезарь» → «цесарская курица».

Чиж: ирон. *дзылы*; диг. *дзыли*.

Название крапивника, чижа; перс. *žallä*, др.-инд. *jhilika*- «кузнечик». Сопоставление также и с груз. *zili* «комар».

Ястреб: ирон. *хъæрцигыгъа*; диг. *хъæрцигыгъа*.

Восходит к тюркскому *qarčäğa* (*i*), *qarčigä* (*i*), балк. *qartčäğa* «ястреб». В. И. Абаев пишет, что «не исключено, что слово по происхождению является иранским, из **karkagan-*, **karča-gan-* буквально «истребитель кур» [8, 294].

Итак, приведенный материал выявил, что в наименованиях диких птиц встречаются, наряду с русизмами (*чайка*, *гага*, *гагар*, *ибис*, *канарейка*, *страус* и пр.), заимствования из тюркских, адыгских и других кавказских языков.

Среди названий диких птиц значительное место занимают субстантивы, образованные от звукоподражательных основ: *цъиу / цъеу; цъиах / цъах; гакк-гукк / гæггог; хърихъупп / хъуррой*. Они в одних случаях редуцируются, в других – присоединяют словообразовательные суффиксы:

Некоторые названия указывают на цвет оперения: *булаемæргъ / бормаелгъ; саубоцъо цæргæс / саубецъо цæргæс; саухалон*.

Встречаются названия, указывающие на места обитания птиц: *сындзыуасæг; денджызон маргъы мыггаг; хъæды мæга; донь аци*.

Родо-половая дифференциация птиц в осетинском языке отсутствует, в большинстве случаев одно и то же название птиц используется для обозначения и женской, и мужской особи (исключением являются слова *ворон* и *ворона*).

В исключительных случаях пол птиц выражается лексическим способом: напр., *сындзыуасæг; къуырмагарк; хуыргарк; дзыгъуыргарк*.

Общее название птиц *маргъ* является исконной, восходящей к древнему слою осетинского языка.

Название голубя в осетинском языке дифференцируется: домашний голубь име-

ет наименование *бæлон*, а дикий голубь – *æхсинæг*.

Понятие «ласточка» в осетинском языке передается самостоятельной исконной лексемой *зæрватыкк* < *зæр-фадыг*, налицо характерный процесс оглушения звонкой согласной -д-.

Самостоятельными исконными лексемами обозначаются также названия птиц, входящих в древнейший пласт осетинской лексики: *цæргæс* «орел», *сынт* «ворон», *халон* «ворона», *зырнаг* «журавль», *аци* «дикая утка», *уæрци* «перепелка, перепел» и др.

В осетинском языке встречается также целый ряд названий птиц, образованных путем сочетания слов, указывающих:

1) на цвет оперения и других частей тела: *æхсинæг* < темно-серый, синий; *буркъæдзил*, букв. «желтохвостка»; *урс донь хъаз* «белая лебедь» (*донь хъаз* является составным термином = *лебедь*, а *урс* = определение по цвету); *дзыгъуыргарк*, букв. «пестрая курица»;

2) на двойственность: *дыгонпон*, букв. «птица с двумя хохолками»;

3) названия, связанные с оценкой птиц человеком: *сырддонцъиу*, букв. «летняя птица»; *зым / зум*, букв. «зимняя птица»; *хъæддаг бабыз*, букв. «дикая утка»;

4) встречаются такие названия, в которых дифференциация пола с помощью оперения: *саугарк*, букв. *черная курица* – «тетерев-самец», и *бургарк*, букв. *желтая курица* – «тетерка, самка тетерева».

Ряд орнитонимов в иронском и дигорском диалектах обозначается разными словами, создавая тем самым синонимические пары: *къадз* и *урс кæсаглас* «аист; цапля»; *саухалон* и *цъиах, цъах* «грач; галка»; *зырнаг* и *хърихъупп* «журавль»; и др. Многие из них возникли в связи с параллельным употреблением названий исконного и иноязычного происхождения.

С названиями птиц связано многое в языковой и фольклорной картине мира осетин.

В фольклоре осетин ласточка «*зæрватыкк*» выступает в роли спасительницы людей; это одухотворенное и наделенное разумом, волей, речью и чувствами суще-

ство. В ее образе следует видеть древнейшее тотемное животное. Она – любимица Бога и людей, ей позволено вить гнездо в доме, что понимается осетинами как счастливое предзнаменование. Зæрватыкк считается добрым вестником, предвестником весны и благополучия. Будучи другом нартов, предостерегала их от грозящей опасности и несчастья. Она – глашатай Страны мертвых, где в ее обязанность входило объявлять о вновь умерших.

По легенде, раздвоенный хвост зæрватыкк – след зубов змеи, кинувшейся ей вслед, чье желание она отказалась исполнить. Причина повсеместного почитания зæрватыкк кроется «в вере древних в то, что в образе ласточки родные места посещают души умерших предков...» [14, 218]

В осетинских обрядовых плачах *хъарджытæ* для изображения умершего или самой плакальщицы *хъарæггæнæг* главными образами являются традиционные – ласточка «зæрватыкк», кукушка «гакк-гукк», сокол «цæргæс».

К примеру, вопленица оплакивает девушку, уподобляя ее кукушке:

*Уа – кидаясь, да будешь кидаться
Поверх черных дерев, вечно крича кукушкой:
«Подай, подай мой наперсток,
Мою люльку, мою прялку, мои ножницы...»*
[15, 48]

Образ кукушки в фольклоре стал «многовековой метафорой» [16, 181] несчастливой девичьей (женской) судьбы. Удивительно значение голоса кукушки: это знак женского одиночества и тяжелой жизни, это и жалоба и проклятие, это женский способ выражения горя (оплакивание злой судьбы); голос кукушки способен проникать за пределы мира живых; он является посредником между «этим» миром и миром «мертвых» [17, 6]. Но кукушка воспринимается и как воплощение души умершего, причем это верование нашло отражение и в самой погребальной обрядности и, прежде всего, в текстах обрядовых плачей. Голос кукушки воспринимается как символ оплакивания. Он принимает на себя основную нагрузку в выражении горя и становится средством общения с умершими.

Одним словом, кукушка являет собой и воплощение души усопшего, и плакальщицу *хъарæггæнæг*, оплакивающую утрату близкого человека.

Но эта символика настолько устойчива, что встречается в плачах до сих пор; ср. в плаче, записанном в 60-е гг. XX в.:

*Уалдзæги рæсугъд ку 'рхъæрдтæй,
Ду тасæн къалеумæ уæд бахизтæ.
Маргъи æвзагай тасæн къалеуæй дзорис,
Уазал зумæг ку 'рцудæй, ехарæнги бунма
дæхе уæд ласи* [18, 172].

Как пришла краса-весна,
Ты перешла на гибкую веточку.
С этой веточки птичьим языком
заговорила,

Как наступила холодная зима,
В трещинах ледника ты прячешься.

Устойчивыми, постоянными формулами-пожеланиями богата вербальная часть осетинской традиционной обрядности. К примеру, во время обряда *хызисæн* («снятие платка-вуали») невесте желают:

Как овца богата ягнятами,
Как куропатка богата цыплятами,
Как дерево богато корнями
Чтобы была... [19, 15]

Этнографическая лексика, как видим, отражает национально-культурную специфику языка, особенности членения внеязыковой действительности в языковой картине мира; она связана с особенностями традиционного быта, национальным самосознанием, материальной и духовной культурой народа, ведь «изучая язык в связи с культурой, в первую очередь, апеллируют к показаниям лексики» [20, 35].

Значимость подобных исследований хорошо иллюстрирует приводимая ниже цитата: «Связь языковой истории с историей народа делает язык историческим источником первостепенной важности. К различным выводам лингвистического порядка (например, о древней социально-экономической структуре общества, его материальной и духовной культуре, географической локализации и т.п.) в силу сопутствующего им семантического компонента способны приводить лексические и отчасти грамматические конструкции» [21, 67].

1. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II.
2. Гацалова Л. Б. К истории становления и развития осетинской лексикографии // Фундаментальные исследования. М., 2013. № 11 (часть 3).
3. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Краткий очерк истории осетинской лексикологии // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. Т. 13. № 1.
4. Анпоев А. К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. АКД, Нальчик, 2003.
5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
6. Тахъзати Ф. Дигорон-уруссаг дзырдутат. Дигорско-русский словарь. Дзæуæгигъæу, 2003.
7. Абаев В. И. Русско-осетинский словарь/Под ред. М. И. Исаева. М., 1970.
8. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2.
9. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. 4.
10. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1.
11. Брэм А. Э. Жизнь животных. Птицы. М., 1992. Т. II.
12. Ирон-уырыссаг дзырдутат: Осетинско-русский словарь. 5-ое изд./Науч. ред. Т. А. Гурьев. Владикавказ, 2004.
13. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2011.
14. Осетинская этнографическая энциклопедия/Гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2013.
15. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. 1876. Вып. IX.
16. Харченко В. К. Функции метафоры. Воронеж, 1992.
17. Никитина М. А. Образ-символ в традиционной народной культуре: русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке. АКД, СПб., 1999.
18. НА СОИГСИ. Ф. 366. П. 144.
19. Памятники народного творчества осетин/Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1992.
20. Чикобава А. С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Вып. II.
21. Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.